

А там, за холмом...

Одной из наисложнейших номинальных задач сегодняшнего дня для меня было определение выбора, с какой же всё-таки стороны подойти к освещению проблемы жителей Холмистой долины. Известно о них стало относительно недавно, и никто из моих коллег и знакомых даже помыслить бы себе не мог, кто такие эти таинственные жители, и какую функцию в нашем мире они способны выполнять.

Нет, серьёзно. После того, как Великий Наместник Октан Многомудрый даровал нам своё бесценное произведение, поставил перед современным обществом цели, за которые действительно хотелось бы бороться, жить и умирать, в нашей цивилизации давно уже не происходило никаких событий, которые можно было бы назвать из ряда вон выходящими. И тут - на тебе! Таинственные незнакомцы, по удивительному и совершенно невысказанному недоразумению выбивающиеся из общего уклада жизни.

Ведь каждому товарищу кооперации известно чуть ли не с пелёнок, что задача всей его жизни - искренне и непоколебимо любить местность, в которой родился, служить на благо Отечества, работая на предприятии поселения и уверенной поступью выстраивать кооперативные соты, как завещал всем нам незадолго до гибели за светлое и счастливое будущее товарищ Октан!

С одной стороны мне даже повезло - а как же может быть иначе на Родине? Мы, чем богаты, тем и рады. Центром моей соты кооперации была милая сердцу с детства ферма молочного животноводства "Тростниковая бурёнка". После выхода из обращения денежных знаков, занявших почётное место на полках музеев, распределение трудовых ресурсов стало насущной и крайне животрепещущей задачей, ведь только стопроцентная трудоустроенность населения и гармоничное развитие экономики, всецело зависящее от потребностей страны в тот или иной момент времени, могли обеспечить надёжную и добротную основу для построения воистину великого государства, в котором каждый человек может быть уверен в своей необходимости обществу завтра точно так же, как он нужен и сегодня, и как был нужен вчера.

"Счастье - это естественное следствие высшей эволюционной, то есть биосоциальной формы человеческого сознания. Только целиком и полностью включённый в общественные отношения производства материальных благ индивид способен слиться с природой максимальной точки развития гуманизма, слиться с человеком настоящего времени, прокладывая семимильными шагами уверенную тропу в надёжное и радостное будущее"

через прекрасный для ума и тела труд настоящего, ибо любой труд, направленный на благо и развитие общества в частности и цивилизации в целом - это счастливый и высоко моральный труд истинного Человека с большой буквы, всегда готового к свершению рабочего подвига ради обретения безграничных возможностей науки, техники и свободного полёта творческой мысли Человечества в обозримом будущем, отныне представляющим предельно ясно и только в отрадных тонах коллективных достижений народного хозяйства, сплочённого единством кооперативной идейности!" - эти воистину мудрые и великие слова Октан завещал потомкам, и вот уже на протяжении более восьмидесяти лет на территории нашего славного государства не было ни войн, ни народных возмущений, а уровень преступности сошёл на нет, достигнув отметки, близкой к нулевой, ещё лет тридцать назад, когда был вынесен последний в нашей стране смертный приговор зачинщику народного бунта на площади имени Завета Сот.

Я ещё не забыл измождённое лицо этого безумного старикашки, тщетно пытавшегося в пределах Соты "Берёзовые Бруньки" организовать чуждый кооперативному духу банный комплекс и проводить спекуляции в сфере услуг ради личного обогащения, тогда как каждый сознательный гражданин страны с ясельного возраста знает, что услуги - сфера государственная и только государственная, сугубо неприкосновенная со стороны товарищей Соты, а любые меелкобуржуазные спекуляции способны расщепить и дестабилизировать кооперацию Соты, а посему должны караться высшей мерой наказания.

Сота - ячейка равновесия, наша основа, наш залог стабильности, а всё, что её расщепляет, приводит к брожению и вредит интересам людей. Сгнилой Соты кооперации и соседние Соты способны загнить, а с загнивших Сот и всё общество может сложиться, как карточный домик, следуя цепной реакции по принципу домино. Вот почему вне всех ведомств находятся особисты Соты "Ярило". Их задача - выжигать Соты, заводящие более одной кооперации в составе. Выжигать в буквальном смысле. Огнемётами. Поголовно.

И пусть уж лучше погибнет сотня человек, чем под угрозой окажется впоследствии жизнь, стабильность и счастье сотни тысяч человек из окружающих Сот. К счастью, для особистов уже давным-давно не было работы и, думаю, не предвидется в ближайшее время.

Я помню, как, ещё почти в младенчестве, смотрел прямую трансляцию выжигания соты особистами "Ярило". Дома, люди, животные - всё, что входило в инфраструктуру, порождённую чёрной спорыньей индивидуализма, покрылось белым пепельным прахом. Даже кирпичные стены оплавилась и напоминали скорее о стекающей вулканической лаве, чем о том, что некогда

они, отстроенные во благо могучего государства, стали позорным пятном на его карте.

Обычно по телевизионным каналам у нас транслируются тематические новости. В “Тростниковой бурёнке”, как правило, я видел репортажи о выведении новых пород крупного рогатого скота поразительными достижениями учёных в области генной инженерии, позволявшими увеличивать удои до десяти раз, а плодовитость стада - в два-три раза. Выводились и “картофельные” коровы, чье мясо после термической обработки по вкусу, как можно было судить из названия, напоминало жареный картофель. Существовал и “железный” крупный рогатый скот, чья костная ткань превосходила по плотности и износостойчивости закалённую ракетную сталь, обладая всеми эстетическими качествами слоновой кости.

Впрочем, рассказывая об обществе, в котором мне довелось жить, я слегка отвлёкся, а невнимательность - это атавизм, доставшийся нам от эволюционных предков, всё ещё проживающих в варварском империалистическом западном обществе пороков и страстей, решительно неприемлемого для нового человека будущей цивилизации, человека идеального, который - а мы все в этом уверены - несомненно будет рождён на территории нашей с вами необъятной Родины - Страны Сот - передовой предвестницы наступления Новой эры в истории человечества, жизни каждого человека и построения общества будущего. Когда созреют все, предсказанные Освальдом Шпенглером, “кони Апокалипсиса”, Закат Европы станет не просто красивой философской концепцией, а реально свершившимся фактом.

Кстати, забыл представиться. Зовут меня Геннадий Маслодоев, и волею руководителя ячейки своей Соты являлся я, до самых последних событий, независимым межкооперативным корреспондентом из разряда Свободных Стрелков.

Пришло время поведать читателю, как я им стал. Одним ранним воскресным утром, ознаменовавшим начало очередного трудодня, я неспешно ехал по родной Соте на своих стареньких “Жигулях” шестой модели. Всё-таки, Малая Родина - это не пустой звук для каждого из товарищей по кооперативу. Я уверен, что так действительно сказал бы каждый из нас. В искристых солнечных лучах прыгали зайчики светотеней, поочерёдно ложась на изумительного оттенка изумрудно-зелёные газоны, начищенный до блеска асфальт, белые оградки палисадников, цветущие за оградками клумбы, пестревшие тигровыми лилиями, маргаритками и душистым табаком, оранжево-алыми раскидистыми лепестками маков, пурпурными граммофончиками ипомей и белоснежными трубками датуры, напыщенными, точно гребешки индюков, розочками пионов и взрывчатыми

фейерверками цветастых астр.

Но самое поразительное было не в этом. Самой поразительной была лаконичность мысли архитекторов и планировщиков кооперативной Соты, разместивших по всей длине улицы абсолютно одинаковые коробки жилых двухэтажек, не дававших даже намёка на повод для взаимной зависти в среде товарищей по кооперативу. Каждый из нас равен каждому, каждый из нас нужен и важен. Только все вместе мы можем составлять Соту, и всякая из этих серых продолговатых построек словно бы говорила то же самое: по отдельности это всего лишь кирпичный параллелепипед дома, оторванный от мира, истории и поселения, тогда как сочетание подобных зданий позволяло существовать всем этим тротуарам, улицам, деревьям, газонам, оградкам, палисадникам и клумбам.

В цехе “Тростниковой бурёнки”, как, впрочем, и всегда, царила гармоничная многозвучная полифоническая какофония производства: все эти позвякивания, скрежеты, жужжания, поскрипывания, бурления и похрюкивания стальных помощников для свершения трудовых подвигов, радовали слух своей динамичностью и слаженностью. Я давно уже воспринимал шумы индустриальной эпохи как особую музыку, поружавшую меня в особый экстатический транс, в котором казалось, будто то самое светлое будущее, в которое летит наш паровоз строительства мирового коллегиального кооперативизма, и вслед за которым мы сами торжественно шествуем, милями отмеряя шаг, на самом же деле уже не первый год, как наступило, и единственное, что требуется для осознания этого радостного для каждого из товарищей факта - это слушать, слушать и ещё раз слушать замечательную музыку производства и учиться через призму этой самой лучшей музыки на свете видеть нашу жизнь такой, какова она в самом деле.

Убедившись, что показатели на датчиках приборов автодоения в норме, я решил совершить ещё один, контрольный обход по цеху. И в этот ответственный момент моё чувство сопричастности плановому прогрессу Отечества было ненадлежаще прервано скотником второго разряда Петром Вихром. Присвистнув, Петька похлопал меня по плечу: “Тебя наш царь зверей к себе на ковёр просил”.

Означало это, что у начальства по какой-то причине были ко мне чудного свойства неотложные дела. Чудного свойства - именно оттого, что все мои обычные дела и без того входили в рабочие обязанности, и вызывать меня по их поводу смысла не было никакого абсолютно. С другой стороны, дела эти были неотложными по той же самой причине - ни один, даже самый смелый руководитель, не решился бы нарушить привычный распорядок производства под страхом обвинения в дестабилизации Соты. А что может быть хуже? Значит, бездействие по показательному делу могло бы дестабилизировать

Соту ещё больше.

Я поднялся в кабинет к кооперативному патрону Льву Бутановичу Рубакину. Патрон не обратил на меня ровным счётом никакого внимания, когда я зашёл к нему. Он мерно постукивал по клавишам печатной машинки, периодически с треском переводя строку нажатием на рычажок в левой части печатного валика. Под лист, на котором Рубакин набивал текст, была вставлена тонкая плёнка копировальной бумаги, а под неё - ещё один лист. Как мне показалось, патрон кооператива был занят и всецело поглощён творческим процессом сочинения очередного особо важного приказа, для которого требовалось наличие обязательной заверенной копии. Таких приказов он издавал на дню не один десяток, так что мне стало неуютно от чувства, что я своим присутствием мешаю осуществлению делопроизводственного документооборота.

Рубакин пододвинул поближе стоявший справа от печатной машинки арифмометр, с задумчивым видом покрутил регулировочные винты, сделал пару оборотов ручкой арифмометра, ещё немного подумал, ещё покрутил винты - и снова ручку, и только после завершения этого ритуала несколько раз победоносно стукнул по клавишам на печатной машинке и подчёркнутым жестом перевёл строку, стрёкотом печатной машинки словно бы подводя итог проделанной работе.

После этого Рубакин пристально посмотрел на меня, слегка прищурился и произнёс, ясно и чётко разрубая слова равными интервалами пауз: “Товарищ Маслодоев! До меня дошли слухи о Вашей потенциально контркооперативной деятельности. В свободное от работы время Вы потакаете гнусным зародышам индивидуализма в Вашей личности, вместо того, чтобы давить эти зародыши на корню. Вот ответьте мне на вопрос, в чём заключается одна из первоочередных задач человека Сот?”

Рубакин сделал долгую и многозначительную паузу, и я понял, что всё-таки придётся отвечать, несмотря на то, что из его намёков я понял мало что. По-моему, у всех закоряченных чиновников, десятилетиями занимающих свой пост, есть такое свойство - непонятно и запутанно изъясняться, дабы их речь ни при каких обстоятельствах невозможно было бы вменить им в вину. Складывалось впечатление, что номенклатурные кадры начинали обладать такими качествами характера и ума только после прохождения специальных курсов кооперативно-пролетарской агитпропаганды. Впрочем, правды здесь не знал никто, кроме них самих.

Я, слегка помявшись, проямлил негромко: “Быть может, саморазвитие, Лев Бутанович?”

Рубакин аж подскочил и, направив на меня пухлую колбаску указательного пальца и, сделав широкий жест рукой, продолжил речь:

“Совершенно верно! Саморазвитие! Самосовершенствование! Эволюция! Ещё до ультимативных работ Фридриха Ницше, апологет идей целенаправленного эволюционизма Жан Батист Ламарк утверждал, что именно стремление к совершенству и самосовершенствование являются важнейшими факторами, влияющие на эволюцию всех живых существ на планете. И что же мы видим в образцово-показательной кооперативной соте “Тростниковая бурёнка”? А видим мы постыдные проявления мелкобуржуазного индивидуализма, мелочного пережитка прошлого режима, эпохи разлагающегося империализма в мещанском обществе алчных и инфантильных граждан. И это в то время, когда вся сознательная часть человечества ведёт идеологическую борьбу за великое будущее, в котором люди бичуют кнутом справедливости старых господ - поработителей и угнетателей, занимая место смещаемых идолов и богов в своём праведном стремлении эволюционировать до состояния сильного, независимого, самостоятельного и уверенного богочеловека! А Вы, Вы...” - Рубакин аж задохнулся от возмущения, а его щёки покрылись багровым политически выверенным румянцем - “Вы, товарищ Маслодоев, ведёте личный дневник мемуаров, подобно изнеженной кисейной барышне и, вместо того, чтобы в свободное от работы время заниматься агитационно-революционной просветительской деятельностью, Вы вносите смятение в умы народных масс и попускаете мелкопоместному произволу в отношении политически активного пролетариата через написание дегенеративных ежедневных заметок и потерю времени, которую каждый идеологически заинтересованный товарищ Соты расценил бы как потерю времени для всего общества классовой борьбы, когда на счету каждая минута, каждая секунда, каждый миг, призванные приближать нас к окончательной и бесповоротной победе кооперативизма Сот над угрозой порабощения фальшивой и гнусной империалистической гидрой! Но её время прошло, товарищ, и если Вы до сих пор живёте прогнившими реалиями агонизирующего прошлого спекулянтов и мракобесов, то Вам не место в летящем на всех парах в великое наше лучшее будущее паровозе кооперативной славы Сот! Теперь-то, надеюсь, товарищ Маслодоев, Вы осознаёте свою вину перед Сотой?”

Я стоял, понутив голову и не зная, что ответить Льву Бутановичу, патрону “Тростниковой бурёнки”, настолько опустошительно обескураживающее действие произвели на меня его слова.

“Ваша мемуаристическая писанина тянет на измену Родине”, - язвительно заметил Рубакин, - “А Вы не в курсе ли того, что у нас за измену полагается?... Уж явно не пирожки с джемом. Но так уж и быть. С одной стороны, мне ни к чему в кооперативной Соте идейные агитаторы империализма. С другой стороны, если о Вашей, товарищ Маслодоев, так называемой, литературной

деятельности прознают номенклатурные московские легаты, то мне не избежать процедуры остракизма на срок, как минимум, всей последующей пятилетки. А Ваши дарования, если, конечно, таковые у Вас имеются, мы как раз и сможем проверить в общественно полезном деле. Посему держите приказ.”

С этими словами Лев Рубакин протянул мне одну из копий документа, который он допечатывал на машинке в тот самый момент, когда я только зашел в кабинет кооперативного патрона. Документ гласил: “Приказ № 26479-Е. “О переназначении кадров”. С момента подписания приказа на неопределённый срок освободить оператора установок автоматического доения Геннадия Ильича Маслодоева от исполняемых им обязанностей и назначить межсотовым членом Общинной Гильдии Репортёров (ОГР) в разряде Свободных Стрелков (СС) без принадлежности к любой отдельной кооперации. Данным же документом устанавливается право на проживание и полное обеспечение трёхразовым питанием по месту пребывания репортёра. Подпись. Патрон Соты “Тростниковая бурёнка” Рубакин Л.Б.”

Так я и стал, как у нас говорили, ССовцем. Журналистом без особых жизненных целей, рода деятельности и места жительства, имеющим право вести только кочевой образ жизни, постепенно перебираясь от Соты к Соте, проживая там лишь до тех пор, пока кооператив видит реальные результаты моего труда. Началась моя новая жизнь симбионта в чужих Сотах, а свою Соту я навеки потерял...

Вот что ни говори, а всё-таки природа родного края навряд ли способна оставить равнодушным кого угодно. Спустя некоторое время после изгнания, я рассекал на своей “шестёрке” колосющееся поле, переходящее вдали в островки сырых изумительно-зелёных трав, и пусть они были всего лишь бестолковым и бесполезным бурьяном, вовсе не нужным основателям, организаторам и пропагандистам развития народного хозяйства, но, почему-то казалось, что нет ничего роднее и удивительнее этих изумрудных трав, которым неведома ни классовая борьба, ни продукция госнаба, ни страх оказаться изменником в глазах Родины.

По обе стороны от утрамбованной образцово-показательной асфальтовой трассы высились поросшие лесом скалы, столь нелепо понатыканные среди поля в случайных местах, точно у природы имелся свой собственный, только ей известный план очередной пятилетки, важной частью которого являлась разработка удивительно противоестественных, но при этом завораживающих своей сюрреалистичностью пейзажей.

Видимо, атмосфера всеобщего футуризма и перспективного авангарда, столь усиленно провозглашавшаяся в качестве официальных государственных направлений всех существующих форм искусства,

превысили в определённый момент критический показатель идейно-ментальной массы в ноосфере и обрели самостоятельный искусственный интеллект, на эгрегорическом уровне поразивший всю природу, как эпидемия “огней святого Антония” в темное аристократическое Средневековье поражала умы целых народов, обращая фанатично верующих христиан в сферы запрещённого ведовства.

Почти отвесные многосотметровые каменные столбы кудрявились елями и мшились душистым разнотравьем, а их вершины притягивали взор поразительным духом соревновательности и той особенной категории свободы, которую до конца воспринять, прочувствовать и осознать могут только туристы-экстремалы.

Подёрнутые синеватой дымкой высоченные холмы манили, звали взобраться на них, однако не давали никаких гарантий, что получится действительно достичь их вершин, не сорвавшись и не разбившись в мясную лепёшку где-нибудь в пшеничных полях у подножия скал. Притягивало взор и это необычное резко контрастное сочетание золотистых колосющихся полей, мертво-малахитовых каменных исполинских колонн и задумчиво-мистической газовой синеватой дымки, окутывавшей эти колонны.

Пожалуй, наиболее точным определением для сюрреализма окруживших меня ландшафтов могло бы стать словосочетание “голубые дали”, если бы не семантический каламбур, творящийся под действием этой фразы в головах многих представителей даже сознательной части кооперативного товарищества Сот.

Моим заданием было назначено добраться до тайных гор Холмистой долины и разгадать их загадку, навеки выяснив, действительно ли они представляют опасность для идеологии нашей всеми товарищами любимой Родины, или же обитающий там клан - а он являлся, судя по ходившим о тех местах слухам, именно кланом, а не Сотовой ячейкой - просто сборище политически неграмотных дикарей, лишённых идеологических притязаний, а значит - лишённых жизненных целей! В таком случае моей задачей станет распространение среди них мудрых идей организации кооперативов Сот.

Если же выяснится, что они намеренно избегают единственно верного, счастливого и достойного уклада жизни в пользу несовременных и идейно несовершенных устаревших форм общественной жизни, то, дабы они не поразили своими регрессивными спорами идей дружное население окружающих ячеек, и не внесли бы в умы разлад, проитвостояние и индивидуалистический яд личной конкурентной состязательности без опоры на общество, наше всецело самое сильное, справедливое и гуманное государство в мире, будет вынуждено пожертвовать жизнями этих таинственных поселенцев ради всеобщего блага и семимильного вхождения

нашей Родины не только в число сверхдержав, но и в число мировых передовиков по уровню жизни, грамотности и образованности народа, равно как и социально политической ответственности каждого отдельно взятого гражданина в составе дружной и сплочённой ячейки.

Путь мой пролегал через ассенизационную соту “Уверенное облегчение”, где в честь дня основания данной кооперации как раз должен был проходить фестиваль почётных народных ассенизаторов, всегда сопровождаемый танцами, конкурсами, призами и театрализованным действием. Приближение ассенизационной соты стало ощущаться ещё за несколько километров до, собственно, её наступления, и вслед патриархальный, а точнее, даже пасторальный колосющийся пейзаж сменился простирающимися буквально до горизонта очистными сооружениями. Дышать стало решительно нечем.

Вскоре, в поле этой выгребной ямы общемировых масштабов, выплыл островок поселения ассенизаторов. Тёмно-серые стены домов, выстроенные из острого щебня, гранита и пресованного металлургического шлака, покрывались тяжёлыми земляными насыпями крыш, поросших мхом и низкой газонной травой, что придавало кооперативным зданиям соты определённое сходство с затерянными в полях и ждущими своих археологов древними курганами. Узкие улочки соты были устланы идеально подогнанной шлифованной каменной брусчаткой, и вообще, “Уверенное облегчение”, откровенно говоря, производило впечатление ранней полисной соты, основанной ещё в эпоху Октана Многомудрого, причём в качестве эксперимента, призванного проверить и утвердить только что выдвинутые им тезисы.

Видимо, в “Уверенном облегчении” до сих пор было принято пользоваться ранней редакцией Октанового кодекса, поскольку полисный уклад, отменённый более поздними её редакциями, был замечен во всех чертах поселения: у Центральной площади располагались специальные, едва заметные оградки для собрания в одном месте народа в периодически проводимые форумы, позади здания Горсовета высился храм имени Первых весенних тезисов Октана, а во фронтальной части Горсовета было едва заметное углубление, рассчитанное на трёх полисных Трибунов: Трибуна-Передовика, Трибуна-Оппонента и Трибуна-Консерватора, погодишно избираемых на народном форуме из числа кадрового состава партийной номенклатуры.

На повторном шестнадцатом съезде Партии полисная структура новых сот была упразднена, и поэтому использование системы традиционных выборных Трибунов в “Уверенном облегчении” однозначно указывало на богатую историю кооперативной соты, знававшей, вероятно, и более благополучные времена. К примеру, во время строительства, когда здесь ещё

не воняло. Каждый сознательный школьник нашей необъятной Родины, конечно же, просто обязан быть знаком с её историей. А как же иначе? Знает он и организационную структуру полисных сот - народные Трибуны предстают перед товарищеским пролетариатом, а тем более - перед приехавшими с окраин перизками, люмпен-плебсом и арендным колонатом коллективных хозяйств, только в случае возникновения чрезвычайных непредвиденных обстоятельств. Всё же остальное время правительственные интересы Трибунов представляет Главпартрук, реальной властью не обладающий.

Основной проблемой полисных кооперативов, вынудивших Партию упростить структуру Сот, было нарушение принципа всеобщего равенства, когда Главпартрук и замещающие его три Зампартрука - Генкуратора, Парторакула и Главпарторга, каждый из которых представлял интересы одного из народных Трибунов, всемером оказывались гораздо равнее всех остальных представителей пролетарского популюса, от чаяний которого общественно-политическая деятельность полисной номенклатуры оказывалась принципиально далека.

Когда я поставил свои “Жигули” на корреспондентскую стоянку вблизи Центральной площади, торжество ещё только начиналось. Постепенно со всех сторон стекались народные массы, состоявшие, преимущественно, из худощаво-измождённых и, словно бы, перегоревших на солнце, товарищей, насквозь пропитавшихся миазмами очистных сооружений и даже приобретших соответствующий цвет кожи, так что единственными пятнами среди всей этой безликой бурлящей массы, были белоснежные искренние улыбки людей, блиставшие на солнце, точно огни фанатских факелов на концертах рабоче-крестьянских вокально-инструментальных ансамблей, периодически выступающих на увеселительных мероприятиях, организуемых, например, в честь постройки линии новых мартеновских мечей на одном из металлургических заводов Отчизны, или в честь юбилея постройки энергоэффективного производства танковой брони и корпусов для сборки ядерных ракет.

Тем временем, со стороны Храма Тезисов на возвышенность на площади принялся подниматься Главпарторг в сопровождении Генкуратора и Парторакула Кодекса. Главпарторг “Уверенного Облегчения” Морфинан Алкил был одет в бархатную ярко окрашенную тунику пурпурной расцветки с чугунной застёжкой в виде восьмиконечной звезды с колосками, символизировавшей восемь верховодящих государственных заветов из весенних тезисов Октана Многомудрого, пророченных в хлебосольное богатство Родины героическими трудовыми подвигами народной воли. На голове Главпарторга был надет венок из берёзовых листьев, а на босу ногу -

лапти из элитных сортов мягкого лыка.

Генкуратор Меркоптан Амил в холщовой мешковине, подпоясанной алой революционной ленточкой, нёс в правой руке Кодекс Октана Многомудрого, а Парторакул Кодекса Метанол Пропил, напротив, нёс в левой руке сталелитейный бумеранг Красной Правды, выполненный в виде всё той же восьмиконечной звезды, окрашенной в соответствующий знаковый пронзительно-алый цвет. В руке Парторакула звезда чудесным образом преображалась и принимала в сознании рядовых кооперативных пролетариев-ассенизаторов значение, совершенно отличное от восьми заветов, и символизировала дважды указанные четыре Стороны Света, которые при удвоенности как бы обращались к подразумеваемой многомерности и разносторонности в глубине идей, заложенных в Кодексе товарища Октана, также выявляя претенциозность потенциального перманентного планетарного распространения идей революционного движения из Страны Сот. Под эгидой кооперативных структур должны быть объединены все народы Земли, ведь единство идеологии, впитываемой буквально с материнским молоком каждым товарищем моей необъятной Отчизны, способно решить проблемы региональных конфликтов и примирить народы культурно, идейно и классово.

Поднявшись на пьедестал все трое номенклатурных руководителей полиса - Главпарторг, Генкуратор и Парторакул выстроились в ряд и перестали подавать какие бы то ни было признаки жизни. Внизу, прямо под ними принялся разыгрываться балет. Сначала через пляшущую толпу пронесли склеп с чучелом мирового империализма. Когда склеп вынесли на центр площади, то стенки склепа рассыпались, а внутри оказалась фигура президента Объединённых Колоний Заморья, вылепленная из папье-маше, да и впрямь какая-то заморышеская. Президент, похожий на вождя племени с Берега Слоновой Кости, сидел в развалившемся склепе на золотистом унитазе в позе заморского орла. Тем временем, унитаз ехал на танковой гусеничной платформе, а вместо сливного бачка у него был установлен небольшой бочонок с нефтью. На лопухой голове президента была надета тяжеловесная зубчатая корона из торчащих вверх ракет, а в правой руке он держал рулон туалетной бумаги из свёрнутых колониальных купюр болотно-фисташкового цвета с таким же фисташковым портретом первого президента ОКЗ, тогда как в левой руке был закреплён граммофончик агитационного мегафона. Штанов на бумажном президенте не было вовсе, зато грудь надёжно закрывал полупрозрачный бронежилет, переделанный из спасательного жилета, заполненного до верха водой, отделявшей тушу заморского пропагандиста буржуазного империализма от окружающего его мира.

Когда балетная процессия окончательно приблизилась к центру площади, то стало заметно, что президент сидит орлом на унитазах не просто так - под ним явственно виднеется яйцевидный глобус, по-видимому, настойчиво и упорно высиживаемый президентом так, что с одной стороны непременно оказывается сливное отверстие унитаза, тогда как с другой - волосатая бумажная задница.

Пока девушки из числа молодых передовичек народного балета исполняли для зрителей традиционный для “Уверенного облегчения” танец маленьких какулек, в конце центрального проспекта показался блестящий от пота и оливкового масла марафонский бегун. В руке бегун держал нечто, напоминающее факел, но по приближении стало ясно, что никакой это не факел, а очень даже мороженка, спасающая от жары. То, что бегун явно марафонит, было заметно по его широким синюшным кругам под глазами. Подбежав к чучелу президента ОКЗ, бегун нащупал что-то на спине президента, повернул, а затем, достав из запазухи выдавшую виды зажигалку, чиркнул ею прямо над торчащими в районе лысины ракетами короны. Из кончиков ракет тут же вырвалось голубоватое пламя, и сразу всем стало ясно, что никакие это не ракеты, а форсунки газовой плиты, а внутри президента где-то припрятан пропановый баллон.

Подошедшая к чучелу рота солдат при погонах быстренько организовала полевую кухню, и вскоре на ракетных форсунках забулькали каши и тушёнки. Главпарторг Морфинан громогласно прокричал в народ тройное “Слава ассенизаторам! Слава Стране Сот!”, а после спустился с пьедестала и встал под одну из правительственных елей, традиционно украшающих фасад Дома Советов в любой соте, как крупной, так и мелкой.

Каждому подошедшему трудящемуся Главпарторг доставал из огромного бархатного политически алого мешка кулёк с юбилейным изданием изречений Октана Многомудрого, флажком с изображением золотистой соты, кожаной обложкой под партбилет и восьмиконечной звёздочкой нагрудной медали с надписью “За трудовые успехи в период восьмой пятилетки ассенизационного кооператива!”

Тем временем, Парторакул Метанол, чьё распаренное на солнце лицо стало с нашим знаменем цвета одного, разливал компот из сухофруктов всем желающим, а Генкуратор Меркоптан с пьедестала с торжественным видом зачитывал в случайном порядке цитаты, мудрости и изречения из Кооперативного Кодекса Октана. Эта книга давно уже приобрела статус сакральной и использовалась для гаданий, не находя признания только в преследуемых властями тайных сообществах вредителей и врагов народа, таких, как безыдейные пассивисты-космополиты, лжеучёные-антикооперативщики и двойственные отклонисты, вдарившиеся в

ложные мысли о проведении индустриализации вкупе с коллективизацией вместо повсеместного продвижения сотовой кооперации распределённого производства.

Так в атмосфере праздника очитных сооружений и прошёл мой день. Вечером, когда я, уже весьма довольный и отдохнувший, был готов отправиться дальше в направлении Тайных Холмов, меня догнал один пожилой опытный ассенизатор и, вцепившись в руку, стал умолять:

- Ни за что, слышишь, ни за что не ходи туда, куда ты собрался отправиться! Ты сгинеешь там, как сгнули все, кто решил там побывать! От тебя не останется даже пыли, даже ветра, даже малейшего упоминания о том, что ты некогда был верным гражданином своей Родины! Как ты думаешь, почему эти холмы до сих пор называются Тайными Холмами, почему они до сих пор хранят свою тайну?

Меня, конечно, несколько покоробил тот факт, что совершенно незнакомый товарищ соты, которую я посетил первый раз в жизни, откуда-то знает о моих дальнейших планах. Поэтому я попытался вывести у него разгадку сей тайны:

- А откуда же ты, добрый человек, ведаешь, кто я и куда направляюсь? Не говорил же, вроде, никому!

- Ты уж поверь, слава об отлучённом от соты гражданине своей страны уже докатилась до самых отдалённых уголков Отечества, а задания, выдаваемые Свободным Стрелкам всегда были и остаются доступны для всех и каждого. Знаешь, я бывал в направлении Тайных Холмов всего лишь раз в жизни, не дошёл до них, и до сих пор не понял, каким таким чудом мне удалось избежать участи всех прочих людей, пропавших там без вести. Лучше я отдам родному кооперативу последний волос на своём теле и переберусь жить в какую-нибудь из стран гнивающего империализма, чем хотя бы помыслию ещё раз о посещении Тайных Холмов.

- Да что там такого страшного могло напугать социально развитого и идейно ответственного пролетария? Ты же не считаешь, что тёмные заблуждения и предрассудки прошлых веков допартийной и докооперативной жизни Родины, способны нам чем-то помочь, что-то объяснить или от чего-то защитить?

- Помяни совет старика, мальчик мой! Если ты не в кооперации, то ты труп. Сейчас ты - Свободный Стрелок, а это тоже своеобразная кооперация со своими принципами, идеями и заданиями, стоящими вне завета Октана Многомудрого, а оттого непонятная практически никому, кроме тех, кто тобой руководит. Но таковых не знает и не видел практически никто. А кто видел и знает - предпочитает помалкивать. Но - поверь - уж лучше быть трупом, чем пытаться выполнить задание, которое тебе поручили и оказаться

в результате в том тревожном Лабиринте, навеянном воздухом Тайных Холмов, или чем-то ещё там - я не знаю.

В тот момент старик показался мне слегка выжившим из ума, исполненным пережитков прошлого, поэтому я решил не воспринимать всерьёз его советы. И только спустя время я осознал, насколько он оказался прав, а я - глуп. Теперь вот, делая в своём блокноте заметки, которые вы в настоящий момент читаете, я искренне жалею о том, что не послушал тогда старика.

Продолжая свой путь по трассе, я обратил внимание на то, что ландшафт постепенно начинает меняться: вместо столь родных и привычных глазу с детства высоченных отвесных каменюк, понатыканных в поле то там, то сям, мне всё больше и чаще стали попадаться столь же высокие пологие холмы, а синеватая туманная дымка сменилась розовато-оранжевой, цвета надкушенной зефирки. “Эх, Георгий, Георгий, куда же тебя несёт-то?” - думал я о себе в третьем лице, проезжая мимо очередного покатога холма. На душе становилось беспокойно.

Уже на закате, трасса сделала вдруг резкий поворот и перешла в просёлочную дорогу, постепенно сузившуюся в дорожку, которая, в свою очередь, перешла в едва заметную тропинку, приведшую, через бурьян полевых сорняков, к берегу мелкой, как ручей, извилистой речки, огибавшей, пожалуй, самый высокий из окружавших меня холмов.

Было такое странное, если не сказать - страшное, чувство, будто за холмом весь мир заканчивается, а передо мной простирается самый край света. Дальше, если верить авторам античных карт, начинались неизведанные и чуждые человеку земли, населённые монстрами, мифическими и сказочными существами, всякими там драконами, баньши, морями со Сциллой, Харибдой, гигантским кракеном, русалками и прочими дурацкими бабкаёжками. В общем, с античным сочинителем или картографом меня объединяло только одно - мы оба понятия не имели, что нас ждёт дальше, хоть и каждый при этом пребывал в своём собственном временном пространстве.

Эта необходимость оставить транспорт, пересечь подвесной мост и отправиться дальше в неизведанное, вызвала приступ панической паранойи, особенно после наставления старика в “Уверенном Облегчении”. Проявилось даже желание эгоистично предать интересы Свободных Стрелков и отправиться восвояси, да так, чтобы меня уже никогда не достигла длинная рука Особого отдела Комиссариата Сот. Впрочем, в итоге примерно так всё и получилось довольно парадоксально, несмотря на то, что я неукоснительно продолжил выполнять выданное мне поручение, так и не собравшись с духом на отчаянный шаг - предательство интересов Комиссариата, а значит, и

предательство Родины.

Обойдя холм, я обнаружил вдалеке ещё какие-то постройки. Меня крайне удивила конструкция в форме бревенчатых срубных изб - неужели ещё где-то сохранилась такая древность? Нет, ну ведь правда, ни в одной соте, даже с полисным управлением, уже давно никто так не строит. Кроме того, начинало быстро темнеть, и я, честно рассудив, решил повременить со своим исследованием местности Тайных Холмов до утра.

Но вот ведь, чему никак не находилось объяснения, так это странному поведению солнца на небе. При пересечении подвесного моста через речку, я обратил внимание на то, что солнце, в общем-то, уже весьма и весьма закатное, неожиданно ярко вспыхнуло, на пару секунд осветив весь небосвод ровным белым сиянием. Когда же я вернулся на то место, где, по своим подсчётам, оставил "Жигули", то не обнаружил не то, что транспорта, но даже и подвесного моста вместе с узкой рекой.

События моих дальнейших скитаний уже навряд ли кого-нибудь заинтересуют, скажу лишь, что мне глубоко неприятен взгляд на вещи людей той местности, в которой мне довелось оказаться совершенно неожиданным и спонтанным способом. А каждую ночь я действительно с тоской вспоминаю свою родную "Тростниковую бурёнку" и старика-ассенизатора, столь настойчиво пытавшегося отговорить меня от посещения Тайных Холмов. Понятия не имею, какая такая злая сила или шутка заставила меня оказаться там, где мне довелось оказаться, но, думаю, надеяться на чудо мне совершенно не следует. Буду смотреть правде в глаза - я уже навряд ли хоть раз в жизни увижу Отчизну - Страну Сот.

И пусть люди здешних мест тоже разговаривают по-русски, но на мои слова про следование Кодексу Октана или значимости празднования дня становления каждой кооперации для развития мировой культуры на фоне повышения общественной и личной сознательности, эти люди реагируют как-то неадекватно, что для меня непонятно. Если я спрашиваю их про Соты - начинают крутить пальцем у виска. В понятии этих дикарей, соты - это неизменный атрибут пасеки и пчеловодства, или - в лучшем случае - часть их технологии дистанционных переговоров, тогда как места, в которых живут люди, они предпочитают называть посёлками и городами. Дикари ведь, что с них взять?

Они настолько необразованные, что даже никогда не слышали про Октана Многомудрого и его рациональное учение об общественном обустройстве, тогда как в моей Соте цитаты из его Кодекса наизусть зачитывают даже дети ясельного возраста, стоя на табуретке. Во мне эта тотальная и поголовная общественно-политическая безграмотность закономерно вызывает праведный гнев, ужас и явное желание донести свет кооперативного учения

до народа, да вот беда, наизусть весь Кодекс, слово в слово, знают только партработники да верховодящая номенклатура. Оттого они, наверное, и способны руководить нами, простым трудовым народом. Мне же дано помнить лишь приблизительное содержание этого Великого труда общепризнанно прославленного гения прошлых лет, пересказывать же суть Кодекса своими словами да ещё и для этих людей - кощунственно! Margaritas ante porcos, как бы сказали в Древнем Риме. Их неподготовленные умишки лишь исказят всё величие смыслового исполнения напутственных речей Многомудрого.

Но знаете что? Совсем недавно, находясь в лихорадочных поисках хоть чего-то отдалённо близкого моему привычному образу жизни в этом мире, я узнал о существовании далёкой восточной страны - Корейской Народно-Демократической Республики. Изучив образ их жизни этого народа в общих чертах, я пришёл к выводу, что для них ещё не всё потеряно, их обширные и благородные умы способны раскрыться, а глаза увидеть сияние разума Октана Многомудрого, ведь их, так называемое, “чучхэ” немного напоминает мне о Родине. Думаю, будет не лишним попытаться счастья в Корее, поэтому сейчас усиленно изучаю корейский язык. А там - уж будь, что будет.

Вы спросите, зачем я, бывший оператор машинного доения и - теперь уже бывший - межкооперативный корреспондент, а ныне непонятно кто, что для моего общества страшнее кары, веду этот дневник размышлений? Отвечу вам - в назидание потомкам и их потомкам. Просто в мире тьмы и безыдейности, где не открыта и не признана, а потому отсутствует производственная дифференциация Сот, а равно, как и сами Соты, в этом невыразимо ужасающем мире лишь вожди Северной Кореи, шествуя впереди планеты всей, несут благое счастье откровения просветительских идей в заблудшие умы человечества.

И я искренне желаю, чтобы с лица Земли никогда не исчезла память о Великих подвигах, совершённых Октаном, основавшим мою Родину - Страну Сот, а я всегда буду верным последователем его идей, и быть может, если я приложу достаточное усилие, то увижу на этой Земле благоденствие и счастливое процветание справедливых идей квинтэссенции кимерсенизма-кимчениризма в чучхэ и сотового кооперативизма Октана. Чего и вам от всей души желаю! Искренне ваш, Геннадий Маслодоев.

*Белоусов Роман,
19 июня 2014 г.,
г. Магнитогорск.*